

Заключение

Сегодня, по прошествии почти четверти века после поездки в Польшу и незабываемых встреч с героями моей политической молодости, могу признаться, что наибольшее впечатление из всего увиденного и услышанного на меня произвел именно Кароль Модзелевский. И он же из всех моих собеседников оказал на меня наибольшее влияние. Причём даже не мыслями своими, не редкостным даром их ясно и объёмно излагать, а самой своей невообразимо сложной биографией и невероятным, по моим тогдашним представлениям, поступком: будучи с юности вовлеченным в политическую борьбу, немало за это пострадав и достигнув в конце концов на своём пути немислимых высот, особенно после триумфа «Солидарности», Кароль даже на миг не помышлял о профессиональной политической карьере, важных государственных постах и о вершинах власти...

«Знаешь, когда дом горит, а пожарных нет, то люди хватают ведра и бегут тушить огонь. Может быть, благодаря опыту, у меня уже есть квалификация пожарного, но я не хочу быть пожарным, я хочу быть историком».

Сказанное Каролем настолько в своё время поразило меня, так запало в душу, что я затем постоянно возвращался к этой его стройно изложенной аллегории и наконец пришёл к выводу, что политическая борьба романтична, захватывающа и оправдана лишь тогда, когда увлекаться ею строго запрещено,

даже смертельно опасно, когда никто, кроме тебя, не рискует ею заниматься и... только до тех пор и до того рубежа, пока перед тобой на обозримом горизонте не замаячит искуссительница *Власть* — единственная цель этого заманчивого и опасного для человеческой души поприща.

Но тогда встает вопрос: можно ли без стремления к власти и без занятия её вершин осуществить те цели, которые ты декларируешь, когда вступаешь в политическую борьбу?

Опыт Польши и Кароля Модзелевского показывает, что такое возможно. Польша сегодня — это крупная европейская страна с динамично развивающейся экономикой; это демократическое государство парламентского типа, в котором исправно работают демократические процедуры, а все правящие институты подотчетны обществу и своевременно сменяемы.

Но что за те же прошедшие четверть века показал русский политический опыт?

В России так и не сложилось демократическое государство: жестко нейтрализованы демократические процедуры, следовательно, не стало сменяемости власти, как высшей, так и местной; уничтожен на корню полноценный парламент, не создана независимая судебная система — важнейшие и определяющие институты демократического государства. В России парализовано действие Конституции — Основного Закона, на тексте которого клянётся глава государства, — а Конституционному Суду отведена роль декоративного придатка исполнительной власти. В России нет независимой прессы и, кажется, вообще нет свободной журналистики, как нет в ней и социологии: их, после непродолжительной жизни в девяностых, сменил всё тот же советский агитпроп, поддерживающийся теперь современными технологиями и от этого более мобильный,

всепроникающий и пошлый. В России всё еще не решен вопрос собственности, и в самом этом его нерешении заложена опасная мина, готовая взорваться в кризисный момент. Также в современной России — и это уже в XXI веке! — всё ещё открыт пресловутый вопрос о *развитии малого и среднего бизнеса* как основы демократического строя... Словом, в России за прошедшие четверть века так и не произошла трансформация государства: из традиционного авторитарного — в современное демократическое.

Реанимация авторитарного Российского государства на развалинах бывшего СССР имеет свою логику: его утверждение и развитие не статично и может существовать только при ежечасном и всеохватном подавлении прав и свобод своих подданных, неизбежно порождая роковой российский вопрос — «*кто кого?*». Кроме этого, реанимирующееся традиционное Российское государство (пресловутое *вставание с колен*) всегда агрессивно и всегда опасно, в первую очередь для своих соседей. Перманентная борьба с врагами, внутренними и внешними, так называемая «*чрезвычайка*» — среда обитания этого государства, а воспроизводство чрезвычайных ситуаций для своего поддержания — основная задача его правящих институтов. В итоге в России вновь не стало публичной политики. Заниматься ею стало опасно, а значит, это поприще вновь становится заманчивым и вожделенным для... *для кого?* И это ещё один не праздный вопрос, который не вправе игнорировать мыслящие люди.

Опыт Польши едва ли подойдет для России, потому что Россия многонациональна и разнорелигиозна, к тому же безразмерна, неодинаково развита, и, что бы мы ни говорили, как бы на этот счет ни обманывались, — именно в «*сгущённой*

мгле предрассуждений» её народа заключена главная опора многовековой российской деспотии. Это, действительно, метафизическая «*страна стран*» или «*мир миров*», как называл Россию М.Я.Гефтер. И, признаюсь, я не знаю, что с этим делать и есть ли на самом деле у демократической России шанс, в отличие, например, от Грузии или Украины, которые, несмотря на невероятные трудности, стремятся выстоять и спастись. И, похоже, на этот раз никто в целом свете не знает, что делать с Россией...

Но, быть может, это *незнание* и есть спасительный шанс для огромной страны, которая больше всего страдала как раз от тех, кто *знал* и вслед за тем беспощадно действовал, превращая в жизнь свои *знания* с помощью лжи и насилия...

Но вернемся ещё раз к Каролю Модзелевскому.

Всего через пару месяцев после моего пребывания в Польше он приехал в Москву. Впервые после долгого перерыва. Остановился у своего многолетнего друга Булата Шалвовича Окуджавы (1924–1997), с которым они познакомились ещё в первой половине шестидесятых. И я вспоминаю, с каким интересом, пожалуй даже с жадностью, Кароль поглощал информацию о нашей стране, с каким вниманием слушал своих московских собеседников... Я тогда познакомил его с Леном Карпинским, Михаилом Гефтером и Отто Лацисом, и Кароль часами беседовал с ними, задавал бесчисленные вопросы. А потом он отправился в Набережные Челны в гости к своему брату и, конечно, побывал на заседаниях нашего политклуба... Вот как сам Кароль вспоминал о своём приезде в Набережные Челны спустя двадцать два года, и это важно, потому что он замеча-

тельно сформулировал ту роль, которую он и его друзья по «Солидарности» сыграли в свое время для нас.

«Пошли мы в этот клуб к Валерке Писигину. И он мне показал одну папку. В этой папке у него лежали вырезанные ножницами из газет "Правда", "Красная звезда", "Известия" статьи, в которых хулили польскую "Солидарность". И в этих вырезках ручкой были подчеркнуты самые важные бранные тексты. Я посмотрел на это и тогда понял, что этот паренёк — интеллигентный, способный, харизматичный — не мог слушать радио "Свобода", потому что его глушили. Вместо этого он читал "Правду", "Известия" и "Красную звезду" и подчеркивал то, что ему казалось важным. И он это считал *"учебником подрывной работы"*. Тогда я понял, что мы не декларациями, не фразеологией, а просто фактом своего существования отравляли эту империю. Что это был смертоносный яд, который неуклонно проникал прямо в сердце империи посредством ее же печати. Я, конечно, не верил, что это мы империю уничтожили, но поверил в то, что это очень подмывало её основы. Это было действие простого примера — *это можно! Раз поляки это сделали и это есть у них, действует, их еще не раздавили, значит, это и у нас возможно!* Поэтому кремлевские руководители знали, что нас непременно надо раздавить, а не то — само наше существование силой примера явится смертельной угрозой для империи...»¹

Пожалуй, Кароль прав на все сто, только к упомянутым им советским газетам надо непременно добавить еще и пресловутую книгу Трубникова, да он, скорее всего, о ней забыл. Действительно, не декларации, не программы и не громкие лозунги, а сам факт существования независимого профсоюза и само магическое слово «Солидарность» вдохновляли и окры-

ляли нас, да еще, конечно, звучные имена — Валенса, Куронь, Михник, Модзелевский, Геремек, Мазовецкий, Буюк, Гвязда, Фрасынюк, Вуец... И это, конечно, правда — мы все так думали: *«Поляки смогли — сможем и мы!»*

Вспоминаю, как в кабинете первого заместителя главного редактора журнала «Коммунист» Кароль оживлённо беседовал с Лацисом. И сам спрашивал, и отвечал на вопросы, но больше всё же слушал... Вдруг, посреди разговора, скрипнула дверь. Все смолкли, и мы с Каролом невольно повернулись к двери... В приоткрывшуюся щель просунулась чья-то голова, обвела нас взглядом, подобострастно кивнула Лацису, перевела взгляд на Модзелевского, замерла, затем быстро скрылась,

притворив за собой дверь... Мы вновь повернулись к Лацису для продолжения разговора.

— Хотите знать, кто это был? — спросил, как всегда, невозмутимый Отто Рудольфович и тут же ответил: — это Трубников... Вадим Пантелеймонович собственной персоной.²

— Не может быть! — тихо произнес Модзелевский. — Надо его сюда позвать, я же должен хотя бы на него посмотреть!..

С этими словами немного растерявшийся Кароль подбежал к двери и выглянул в длинный коридор.

Увы, автора книги *«Крах "Операции Полония"»* уже и след простыл...

Январь 2014
